

Формаслов

Москва

2022

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Г94

Г94 **Гумыркина, Ирина**
Изнанка снега / Ирина Гумыркина. — М.: Формаслов,
2022. — 104 с.

ISBN 978-5-6047566-5-2

Если смотреть на небо из окна самолёта, оно похоже на бесконечную снежную даль: облака густые и плотные или рыхлые и щербатые — в зависимости от ракурса. От увиденного захватывает дух — это прекрасно и страшно одновременно, ведь привычное нам небо — вовсе не небо, а словно его изнанка. Там нет ни смерти, ни боли — только свет. Так же и в стихах: привычное — на поверхности, как первый снег за окном, но стоит посмотреть с другого ракурса, заглянуть за — и увидишь свет.

«Изнанка снега» — это третья книга Ирины Гумыркиной, поэта из Казахстана. В сборник вошли стихотворения, написанные в период с 2015 по 2022 годы.

ISBN 978-5-6047566-5-2

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© И. Гумыркина, текст, 2022
© А. Маркина, дизайн обложки, 2022
© Формаслов, 2022

Ирина Гумыркина

Изнашка сиега

Пока мы здесь высчитываем дни
От рождества до смерти и обратно,
Пока горят вечерние огни
И на луне подрагивают пятна,

Пока растёт чужая ребятня
И познаёт запреты и барьеры,
Не оставляй, пожалуйста, меня
Наедине с расшатанною верой:

Она болит — как тронешь, так болит,
Сворачиваясь в позу эмбриона.
И вычленишь слово из молитв,
Из каждого то выдоха, то стога —

Единственное главное теперь,
Когда на всех языковых наречиях
Понятнее молчать и без потерь
Любить других — боясь — по-человечьи.

Долго едем в переполненном автобусе,
Без остановок и конечной,
Передаём за проезд каждый новый круг.
Окна закрыты наглухо —
Духота и молчание.
Билеты во влажных ладонях.

«Эй, шофёр! — кто-то крикнет раздражённо. —
Долго ещё это будет продолжаться?»
«Да, шофёр!» — подхватят другие.
Но голоса растворятся в белом шуме,
Затеряются в плотности пространства,
Осядут на чьи-то ботинки/туфли/кеды пылинками.

«Келесі аялдама»¹ — звучит в голове механически,
Машинально готовишься выйти,
Но час пик — и время остановилось.

1 Следующая остановка — казахс.

Учи всех нас другому языку:
Вплетай его по буковкам в строку,

Где паузы — там делай узелки,
Чтоб стали мы понятны и легки

Со всеми «до» и «ро», меж ними — «бэ»
В неммыслимом неравенстве, борьбе.

Учи нас всех, от «не» до сложных «лю»,
Как выжить в независимом раю.

Калеки, неумёхи, дураки,
Мы кормим страх с протянутой руки

И говорим на языке своём —
Как будто смерть сто раз переживём.

Я тебя отпускаю — лети же, лети наверх:
Там, где гнездятся с краю, выбрав тугую ветвь,
Изгнанные из сада скворцы за чужую речь,
Спорить уже не надо, долго ль под камень течь.

Галки склевали грушу — на чёрный день запас.
Отче про нас не слушал, а потому не спас.
Мы расстаёмся теми, кто никогда, нигде
Не оставляет семя в глиняной борозде.

Мы остаёмся, зная множество аксиом,
Только одна простая: если болит — живём.
Если дойдём до края, надо ли падать вниз?
Я тебя отпускаю, только прошу — вернись.

Скажи мне, чей гитарный рифф
Сейчас играет в телефоне?
Ты отключился, не спросив,
Что остаётся после, кроме
Неспетых песен. На стене —
Портрет из девяностых Цоя.
А на войне — как на войне,
Но если жить, то Бог с тобою.

А Бог расставил по местам
Пустым пластмассовые ноты.
Нажми на stop — увидишь сам,
Как смерть стоит за поворотом.
Исчезнет — было или нет?
И льётся музыка по шпалам.
Я жму отчаянно reset —
И начинаю всё с начала.

на часах с надписью «русская мандала»
стрелки застыли на «инь-янь-хрень»
который час узнаю интуитивно
мобильный телефон выключен
чтобы не ловить всплывающие слова

тревога воздушная как медицинская вата
ватные руки ноги туловище мысли
человек ли я или тварь дрожащая
от бессилия вдыхающая солёный воздух
накрываясь плотной тишиной
вздрагиваю от треска и взрывов
у кого-то осталось чувство отрешённости
и немного петард с нового года

когда меня не станет
не рассказывай о моём детстве
как я падала глубоко
сдирая хрупкую кожу земли
ей не было больно но я
не хочу чтобы кто-то узнал
что я так и не выросла
из рыбьего тела
плыла против течения
разрезая плавниками
остывший воздух
задыхаясь от набухших слов

Когда зима пойдёт на новый круг,
Оставив нам отметины на теле,
Замри и слушай беспокойный звук —
По лестнице шагов тяжёлых звук.
Ты помнишь, как вчера ещё хотели

Сбежать от всех в свободную страну
(Теперь нигде свободы не осталось),
Выращивать жасмин и мушмулу,
Срисовывать плывущую луну
И больше не давить себе на жалость?

Но не срослись — и заново растить,
Надеясь на себя и Божью милость.
Когда зима не сможет уместить
В себе ни нас, ни снеговой тоски,
То значит смерть почти остановилась.

Говоря, говорите со мной, пожалуйста,
Желторотые птицы на ветках карагача:
На своём скворечье — уже без жалости —
Расскажите, сколько ещё молчать?

Кто не смог — простились, да не уехали,
Кто остался — верит, что будет так.
Только мокрый снег, он всему помехами:
Здесь повсюду слякоть и маята.

Здесь повсюду воздух горчит и тянется,
Вдох глубокий, выдох — и обречён
На молчанье. Долгое. Есть ли разница,
Кто теперь приватный ведёт отсчёт,

Если слово стало важней насущного
И больней врезается в небосвод,
Из него потом — от надежды к случаю —
Выпадает снегом и так — живёт.

И страшно так, Господи, страшно —
Уже невозможен побег:
Чернеет на площади башня,
И замертво падает снег.

За краем, за раем, за воем
Не видно, не слышно Тебя.
Нас перекроили без воли —
Узнаешь ли прежних, скорбя?

По буквам читай эсэмэски,
Молчи, как молчит «Телеграм».
Почти невозможно, но если —
Нас всех — отпусти до утра.

Этот город увековечен
В «Шаныраке» и «Акбулаке»,
В кетлинге и кибербуллинге,
В «Сулпаке» и реновации,
В исчезнувших трамваях,
Исчезающей мозаике,
В сгоревших памятниках
Советской архитектуры.

В январском тумане
Скрывается нечто ещё —
Если найдёшь какую-то связь,
Напиши петицию
В небесную канцелярию,
Чтобы было что рассказать
Следующему поколению.

По краешку, по досточке,
По тоненькому льду
В пугающее до смерти
Из детства я иду.

Качается над буквами
Соломенный бычок.
Я сломанная куколка —
Чего же вам ещё?

Над пропастью, над каменной
Шагаю — раз и два.
А где-то там, за камерой,
Желтеет трын-трава.

Я выросла, я вынесла
Из дома сон и сор.
Всё остальное — вымыслы,
Фейсбучный разговор.

Кому нужна я, тонкий стебелёчек, —
Ни дудочки, ни музыки, ни-ни.
Качает ветер слово между строчек:
Бессонное дитя, усни, усни,

Ещё совсем мало́ и неприметно,
Как гусеница в коконе своём,
Как шорох остаётся без ответа.
Но вырастешь — и мы тебя поймём.

Расти, расту, растрчивая, та́я —
Четыре, тридцать три и тишина.
Послушайте, как бабочка взлетает,
Хоть голоса и звука лишена.

Горит букет бессмертных хризантем,
А нам недостаёт часов и тем
Для краткого — хотя бы — разговора.

Мы промолчали новую волну,
Припев любимой песни про весну —
Теперь её услышим вряд ли скоро:

По радио всё больше — ни о чём.
Целуй меня как прежде — горячо,
Пока под снегом хризантемы тают,

Пока не завезли снеговиков
В бездетные дворы, а у часов
Садится батарейка из Китая.

На Рождество повесим на балкон —
Со всех его обшарпанных сторон —
Дешёвую гирлянду из «Комфорта»:

Мигай, стекляшка, красным маячком,
Зелёным, синим, лишь бы незнаком
Был жёлтый — из пустого натюрморта.

Оставив тёплую конуру,
Он станет богу поводырём
И поведёт его к вечеру
Туда, где льётся под фонарём

Тягучий свет — на него летят
Почти прозрачные мотыльки.
Не обожгутся и не сгорят:
Они бессмертны и так легки,

Что бог не чувствует их вообще,
Не слышит трепета тишины
И как рождаются из ночей
Безмолвной смерти цветные сны.

Он видит их — и в ответ скулит
Тоскливо память о жизни той,
Где в миску свет до краёв налит
И Бог, наполненный добротой,

Ведёт смотреть поутру на снег,
На воскресение мотыльков —
И страха липкого больше нет,
И боли нет в глубине зрачков.

Лети, лети, мой мотылёк,
Пока не вышел срок.
Твой путь нелёгок и далёк.
Мерцает огонёк,

Как Вифлеемская звезда,
Как лунная вода.
Пока стремиться есть куда,
Не ведая стыда

За эту лёгкость, и печаль,
Что всё ещё с тобой,
И эту слабость — всё прощать,
Лети на свет любой.

Всё изменится в лучшую сторону:
Будут вороны — просто вороны
Над заснеженным пустырём.

Там у смерти ни сна, ни имени,
Можно тишь на молчание выменять,
Можно думать, что не умрём:

Мы бессмертны, как травы сорные,
Безнадёжности непокорные,
Где попадали — там сорвут.

Всё изменится — если слюбится,
Будет улица — просто улица,
А не выученный маршрут,

Где расходятся в разные стороны.
Может, стерпится, если поровну
Будет горя, любви, стыда.

По обочинам снежная кашица
Застывает к утру, и кажется —
Мы останемся навсегда.

Если это не смерть, то откуда тоска,
Почему поводок отпускает рука?
И стоишь под дождём, уязвимый.

Проведи незаметно в невиданный рай —
Подсмотреть, а потом уходи, убегай,
Как бы ни было невыносимо.

Я запомню тебя навсегда, как сейчас:
Понимающий взгляд, бело-рыжий окрас
И шершавый язык — по ладони.

Если это не смерть, то откуда взялась
Под ногами противная, липкая грязь?
И октябрьский снег — непреклонен.

Переживём. Впервые нам, что ли, это —
Выстрадано, оплакано и отпето.
И вспоминай, как звали и как любили,
Как выносили вместе, и выли, выли
Чёртовы псы соседские, наши тоже
Им подывали, словно их вой поможет
Выдержать эту ношу и не свихнуться.

Переживаем и оставляем гнуться
Ветви ирги под тяжестью ягод сочных.
Время стекает с крыши, уходит в почву
И прорастает мёртвыми именами.
Мы пожинаем пустошь, переминаем
Каждое слово, сорванное до срока.

Переживём — осталось уже немного —
И соберём от горьких семян остатки.
Перенимаем опыт, вину, повадки,
Чтоб не забыть, как где-то недолюбили,
Как забивали вместе, а после — были.

В том саду, где лебеда и марь
И скрипит проржавленный фонарь,
Хоронили мы с тобой кота
У куста.

Сыпался крыжовник — переспел;
Кот в руках дрожащих холодел;
Сорванные вяли васильки.
Дураки —

Что о смерти знали мы вообще,
Об обратной стороне вещей?
Хоронить вот так своих котов —
Кто готов?

Рядом с бугорком сырой земли
Помолились молча, как смогли,
Радужному богу о любви.
Воробы

Склёвывали маленьких червей,
И казалась смерть ещё живей
В том саду, где марь и лебеда, —
Навсегда.

В комнате с белёным потолком
Мы, очнувшись, молимся о ком:
Кто не вышел, не остался, не...

Расскажи о долгой тишине:
Скажешь «больно» — и летит, летит
Слово желторотое. Простит
Время неуверенный полёт:
Ждёт его в конце не свет, а лёд,
Гладкий, как озёрная вода,
Синий, как небесная звезда.

Слово там останется болеть
Миллионы «не», сгорит на треть
И потухнет утром светлячком
В комнате с белёным потолком.

Мы вырастаем из детства чёрными истуканами,
Пахнут землёй ладони, воздух горчит полынью.
Кто-то чужой на кухне утром гремит стаканами
И произносит всеу до дрожи родное имя,

Но произносит просто, словно оно из пуха,
Словно оно из снега, тающего во рту.
Мы привыкаем к звуку осиротевших кухонь
И ненавидим белый, лето и глухоту.

Полнятся жидким светом узкие коридоры,
Сколько шагов до смерти — выучи, не забудь.
Выросли мы из детства непоправимо скоро —
Нам бы ещё немного, Господи, как-нибудь.

зимой ждать лета
летом пить ромашку аптечную
чай с малиной
кутаться в одеяло
чтобы вместе с потом
выгнать воспалённый
болезненный
отдающий горечью во рту
застой слов

Выбирала на рынке мясо
На борщ и котлеты.
Продавец — казах — умилялся,
Давал советы.

Меня, говорит, русская
Влюбила в себя борщом.
А мясо у меня вкусное —
Приходи ещё.

я больше не слышу музыку,
не оставляю ей пустую строку.
не надо утешения и жалости, пожалуйста:
вы сломали иглу в проигрывателе.

извините, мы просто хотели,
чтобы запела разными голосами.

мы сами выбираем пластинки
по ярким обложкам,
а когда начинается музыка — боже,
это не то, не так и совсем не об этом.

поэтому.

«Подборка летних направлений, успеи слетать, любые
даты!» —

Гласит письмо-реклама в почте и предлагает Геленджик.
А я смотрю с тоской на цены: ах, это море — три зарплаты,
А у меня — риниты, кошка, ремонт, авралы и мужик.

И, вспоминая петергофских кричащих чаек над заливом
И капчагайских наглых выдр, ворующих лапшу «Биг-Бон»,
Я выключаю ноутбук, и в магазин плетусь за пивом,
А летний город, словно море, шумит, шумит со всех сторон.

Где мы теперь болим, просим, не говорим,
С кем остаёмся плыть вверх по большой реке?
Выхода к морю нет. Хочешь — вообразим.
А повернём назад — окажемся в тупике:

Там вырастает из сорной травы стена,
Ревностно плющ целует жёлтые кирпичи.
Ты не моя тоска, я не твоя жена,
Мы друг у друга — свет, выдохни и молчи.

Сумрак скрипуч фонарь сломанный объектив —
Ставь запятые там, где пролетит насквозь
Звук глухоты, но звук — вымучен и фальшив.
Это внутри меня слово не так срослось.

Расти, мой бог, зародыш, эмбрион,
Дыши водой, не бойся — так бывает,
Пока стоит она со всех сторон
И точка не задета болевая.

Стекает свет прозрачный с потолка,
Нависшего над телом. Хватит места,
Пока растёшь, мой бог, внутри, пока
Любовь к тебе мала и бестелесна.

А что потом: сплошная белизна
Внутри, вокруг и — нестерпимо тихо.
Стоявшая стеною пелена
Спадает, нам показывая выход,

Чтоб ты услышал, как вода шумит
Снаружи снегом талым или речью.
Пока слова не прорастут в гранит,
Люби меня, мой бог, по-человечьи.

Всё остаётся в прошлом — и мы живём,
Словно родившись заново в этом мире:
Новые люди, новый окна проём,
Новые стены, только пространство шире.

Дождь в феврале покажется волшебством
Маленькой сказки — ну же, лови скорее:
Вырастим чудо сами и назовём
Тем, что отныне нас изнутри согреет.

Старые страхи прячутся по углам,
Тенью дрожат, но я не боюсь вас больше —
Это тепло не выдам и не отдам,
Мы настоящие, вы — остаётесь в прошлом.

слава богу ты жива говорит мне бабушка
вот садись я напекла сладкие оладушки

заварила мятный чай успокойся милая
я проваливаюсь в снег собираюсь с силами

слава богу я дошла памятник некрашенный
небо чистая слеза как живу не спрашивай

я вернусь когда взойдут здесь мускари синие
слава богу их дождусь я ведь тоже сильная

Перестала верить в людей
И купила новое платье.
Красное, как запретный свет светофора:
Не переходи границы — убьёт,
Не соберёшь по частям,
Не склеишь осколки:
Где-то не будет хватать детали,
Кусочка тебя.
Зелёные ёлки, жёлтые палки
В колёса любви — катись отсюда,
Ломай спицы, чтобы больше
Не привязываться
К людям,
К предметам,
К цветам.
Я не люблю жёлтые розы
И белые хризантемы,
Мне нравится красная китайская гвоздика,
Выращенная на подоконнике.
Когда придёт весна,
Я высажу её в палисадник под окнами.

Бросай слова на ветер —
Пусть их носит из стороны в сторону,
С севера на юг, с запада на восток;
Пусть падают дождём и снегом
На осыпавшиеся листья, на пустые аллеи,
На которых больше не будет
Любимого человека.
Пусть их сметает старый дворник,
Собирает в кучу —
Безобразные и никому не нужные.
Если бы были нужны хоть кому-то,
Их бы собрали в красивый гербарий,
Повесили над кроватью,
Чтобы было не так одиноко и пусто,
Когда тишина наступает внезапно.

Пустое место свято не бывает.
Оно пустое — что же в нём ещё?
Заполнить пустотой его до края,
И через край она пусть утечёт:
Стекает по рукам моим дрожащим,
Сквозь пальцы убегает от меня.
Пустое место остаётся чаще
На месте необъятного огня:
Он догорает — остаётся пусто.
Оно — чернеет, а ещё растёт,
И замирает в комнате под люстрой,
И больше никого уже не ждёт.

Вымыть посуду, вытереть пыль с книжных полок,
Делая что-то ещё, размышлять, как же долог
День — бесконечен, как белая точка на фоне
Чёрного неба.

Долгих гудков в телефоне
Слушать звучание. Звуки всегда осторожны:
Если спугнёшь, то вернуть их уже невозможно.
Выйти во двор, обжигающий воздух вдыхая,
Думать об осени, памяти, хрупкости рая,
Ломкости голоса, если он снова простужен.
В дом возвратиться, чай заварить и по кружкам
Ни для кого разливать.
И читать Гандельсмана,
И ощущать, как же всё непонятно и странно:
Будто и ты только белая (чёрная) точка
В небе ночном, в конце зарифмованной строчки.

Гори, гори, вечерний небосвод,
Сгорай дотла, пока ещё мы живы,
Чтоб видеть, как сорвётся красный плод
И упадёт в пожухлую крапиву.
Достать его, не получив ожог, —
Нужна сноровка и большая смелость.
Но мы всегда найдём такой предлог,
Чтоб ничего для этого не сделать.
Проходит всё, как тает снег весной,
Сойдёт ожог и не оставит следа.
Ты говори, пожалуйста, со мной,
Пока ещё не выгорело лето.

Трудно дышать этим отравленным воздухом:
Каждый глоток, обжигая, горчит внутри.
Настежь откройте двери, окна и форточки,
Пока мы не выдохлись, пока мы ещё... Горит
Небо из пластика, где облака расплавились —
Там нелегко на ощупь найти слова.
Господи, почему мы опять не справились?
Кружится отупевшая голова,
Как карусельные зайчики, рыбки, кошечки,
Крутится, не останавливаясь, земля.
Не прорастут в ней больше вишнёвые косточки —
Не поливайте чёрные лунки зря.

Пить чай, перечитывая Марину Цветаеву,
Удивляться тому, чего раньше не замечала:
Как её голос, такой надрывный, не тает —
Долго звучит ещё после, как замолчала.

В голове повторяя строки об Анне Ахматовой —
Я её тоже любила, и даже сильно, —
Ощущаю себя беспомощной, виноватой,
Что не сказала об этом, когда спросили.

Над застывшим озером лебедь белый
Всё кружит и ждёт золотую рыбку.
А она сквозь воду глядит несмело,
Как круги расходятся в небе зыбком.
Белый лебедь кличет её, и плачет,
И кружит над чёрной водой остывшей.
Только бедной рыбке нельзя иначе,
Как уйти на дно, чтоб его не слышать
И не видеть, как расплзётся темень,
Помутнеет солнца большой хрусталик.

Существуем мы, но совсем не теми,
Кем вначале нас, неумёх, создали.
С проводов срывается птичья стая,
В небесах становится многоточием.
Сколько длится путь до конца и края,
Где любовь — нежна и видна воочию,
Где в садах цветущих трава — по пояс?
Вот упасть в неё бы и затеряться,
Слушать, как грохочет товарный поезд,
Любоваться небом и не бояться
Ни ночных шагов в коридоре длинном,
Ни зловещих шорохов под кроватью —
Ничего вообще. Словно мир — невинный
И под солнцем каждому места хватит.

Нелюдимый холод и бесконечность
Тишины, дороги кривой пустыня.
Обнимаю крепко тебя за плечи,

Говорю с тобой, говорю во имя
Той мечты летать, превращаясь в точку,
Ближе быть к тому, что зовётся раем.
Мне теперь искать его в одиночку —
Этот край, где между не выбирают,
Где плывёт на зов золотая рыбка
В отражении неба над облаками.
Я стою на пирсе скрипучем, хлипком
И машу, как крыльями, ей руками.

Сестре

Снова тебе пишу, дорогая Ника.
Что рассказать? Герань на окне поникла:
Ей не хватает солнца. А мне тревожно.
Фельдшер в селе запил опять безбожно —
Кто-то умрёт, помощи не дождётся.

Ника, у нас так долго не видно солнца:
Небо — сплошное серое покрывало;
Трудно дышать, света осталось мало —
Хватит едва, чтоб продержаться дольше.

Я не хожу отныне туда, на площадь,
Я обхожу стороной старый парк из сосен:
Больше не будет тёплой и долгой осень,
Больше не будет дождь заливать аллею,
Нас под зонтом, больше не заболеем.

Память всё чаще только больнее жалит.
Что рассказать ещё? Помолчать? Пожалуй.

Зимняя радуга — редкое из чудес,
Так говорят. К небу беги скорее:
Там, в вышине, сколько угодно мест
Прыгать, резвиться.

Падает снег, краснеет —
Это сочтется радуги главный цвет.

Остановилось время внезапно, резко.
Мы не успели раньше — и чуда нет,
И не пойти по следу уже до места,
Где разбежались, глупые, — вот беда:
Выпущен поводок из замёрзших пальцев.

Зимняя радуга — это побег туда,
Где, отпуская, можно не расставаться.

Дорогое моё одиночество, поскорей
Уходи безболезненно, чтобы не вызывать врача
Опостылевшим вечером в стынущем октябре:
Он меня обвинит в безрассудности сгоряча,
Он тебя заберёт, и выходит, как щенка,
И вернёт мне окрепшее, верное — на, держи.
И хоть сколько тебя спускай потом с поводка,
Ты вернёшься назад.

Дорогое моё, скажи:
Если это — любовь, почему же она сродни
Пустоте необъятной, искусственной глухоте?
Осыпаются наземь пожелтевшие рано дни;
Не спасай — всё равно им тонуть в дождевой воде.
Всё равно сожалеть, что нельзя ничего спасти,
Долюбить до конца — то, чего нам недостаёт.

Дорогое моё одиночество, отпусти.
Это тяжесть такая — не выдержать нам её.

В Софийском соборе
Перед иконой Божьей Матери
Мужчина-азиат застыл в молчаливой молитве,
Изредка вытирая влажные скулы.

Целует икону блаженной Матроны
Молодая женщина с бледным лицом,
Неумело крестится.

Пожилая женщина в синем платке
Собирает в букеты цветы прихожан.
Сливаясь, цветочные запахи,
Становятся слишком резкими.

Таким же резким становится плач
Крещённого в эти минуты ребёнка —
Маленькой девочки в белом ажурном наряде
На руках у счастливой матери.

У железных ворот на выходе со двора
Просит милостыню сгорбленная старуха.
Я кладу в её руку купюру — и тело моё дрожит,
Словно меня покрестили заново.

Вокзал. Перрон. И люди, стоя в ряд,
Чего-то ждут, о чём-то говорят,
Но невозможно разобрать ни слова:

Как будто бы не наш — земной — язык,
И смех чужой, и непонятный крик.
И я стою, к прощанию готова:

В руках держу билет в один конец,
А рядом курит, кашляя, отец —
Билет его, я только провожаю.

Вот слышен приглушённый стук колёс.
Я говорю отцу: «Не надо слёз.
Доедешь — дай мне знать». И образ тает.

На чётный день я вижу яркий сон:
Опять вокзал, но пуст ещё перрон,
И стук глухой — вот прибывает поезд.

Выходят пассажиры налегке,
И среди них, держа билет в руке,
Растерянный отец. Я слышу голос

Знакомый, только слов не разобрать.
Вдруг кто-то начинает всё стирать,
Как ластиком неправильный рисунок.

Исчезли все, и я стою одна.
Вокзал. Перрон. Щербатая луна.
Скрипит фонарь, раскачивая сумрак.

На чёрно-белой фотографии
Улыбается маленькая девочка,
Смотрит на тебя, шурясь от солнца,
Наклонив голову набок.
Платье в горошек, а светлые бантики
Сливаются с волосами,
Белыми, как мартовский снег.

Этот снег теперь никогда не растает —
Будет лежать пластом, напоминая о.
Белый, как лист бумаги,
На котором неровным почерком
Выведены слова.
Они проявляются в памяти,
Как чёрно-белая фотоплёнка,
На которой мы — дети — ещё не знаем,
Что нам предстоит расстаться
Скоро и навсегда.

Мы говорили, иногда молчали
И выбегали, не надев пальто,
На улицу осенними ночами,
Стихи читали громко. И никто

Не мог понять, откуда вообще мы —
С усталыми глазами и душой,
Хмельные от вина ли, от общения.
Неважно всё — нам было хорошо,

Пока мы вместе. А потом, вернувшись
Туда, где ненавистны даже сны,
Мы знали точно, что не стало лучше,
И надо продержаться до весны.

Весной вода, бегущая ручьями,
Смывает слой за слоем, и уже
Не страшно ожидание ночами,
Не надо быть, как вор, настороже,

Не надо прятать выцветшего взгляда —
Смотри на всё, как будто в первый раз.
Нам это в наказание ли, в награду —
Безвременье, не выдавшее нас.

*«и беззвучны очертанья слов,
но беззвучнее всего — сам человек»
Андрей Тавров*

Сегодня снег белей и молчаливей,
И тягостнее под ноги ложится,
Совсем не тает — странно и тревожно,
И всё трудней становится идти.

Но я иду, пока меня не вывел
Почти неразличимый след к границе.
За ней, я знаю, станет невозможным
Прощать себе все тяготы пути:

За ней снега совсем другие — чище,
Белее солнце и холмы овальной,
И небо, переполненное светом,
Просторней, и плотнее тишина.

Там буду и душой, и телом нищий,
Но мне не страшно это изначально:
Беззвучным словом стану без ответа,
Беззвучьем зим переболею сполна.

Привыкли совсем не знать о таких вещах.
Или, напротив, молчали об этом долго.
И потому в повседневных, сухих речах
Скрывается что-то чуждое.
Холод колкий,
Проникнув сквозь щели старых оконных рам,
Тепло забирает, как смерть забирает лучших.
Не говори, пока не увидишь сам,
Как исчезает солнца последний луч, и
Тает стремительно слов прошлогодних лёд —
Всё оголяется, всё происходит снова.
Если однажды кто-то опять уйдёт,
Ты не молчи — я к этому не готова.

Напиши письмо и брось его в долгий ящик.
А пока летит оно медленно в никуда,
Ты пиши другое — о прошлом, и настоящем,
И о том, что будет. Ярко горит звезда
Над пологой крышей старой многоэтажки,
И в окне дрожит жёлто-зелёный лист.
Напиши письмо о том, что бывает с каждым,
Кто уходит в ночь и не выходит из.
Ожидание больно — память ещё больнее.
Ты пиши, пиши, пока есть на то слова.
Над постылым городом ярко закат алеет,
И дрожит на старом карагаче листва.
Как пойдёт вода с неба сплошным потоком,
Исписав листок, смело бросай в неё.
Здесь уже давно времени вышли сроки,
Но пока ты пишешь, значит, ещё живём.

Времена

Давай каждому дереву в саду дадим имя,
Которое будет известно только нам.
И каждый раз с наступлением весны
Будем приходить сюда, говорить со всеми
Ушедшими и неслучившимися,
А они будут отвечать нам,
Покачивая голыми ветками.
Мы будем просить прощения
За всё, чего не сделали.
Это так важно — проститься вовремя,
Не винить себя за каждое несозревшее слово.
А когда услышим шелест листьев —
Это значит они прощают нас,
Таких непутёвых, несчастных, несмелых.
Но приходит время собирать плоды
Наших усилий изменить хоть что-то,
И не остаётся ни сил, ни желания.
Деревья сбрасывают листву, а мы остаёмся
Наедине со своим существительным,
Подбираем глаголы, чтобы не было больно.
Дождевая вода стоит уже тридцать восемь дней —
Осталось совсем немного.
Всё пройдёт с первым нетающим снегом,
Станет слепым пятном,
Нетронутым ни словом, ни памятью.
И можно уже не бояться
Темноты опустевших комнат,
Холодной постели,
Пантомимы застывшего сада.

Снег поглощает звуки — становится тихо,
Как в первый раз,
Когда мы ещё не случились.

Дождь то стихает, то снова стеною льётся.
Вымоет окна снаружи — мир станет ярче.
Ма говорит, что мне не хватает солнца,
Красного цвета в теле моём горячем.
И с каждым днём я становлюсь белее
Первого снега, тоньше листка тетради.
В ней я рисую вымокшую аллею,
Синие ели, скамейки, а если хватит
Красок и сил, то радугу в небе чистом
И голубей взъерошенных на асфальте.

Ма, улыбаясь, в молчании долгом виснет,
Когда достаёт из шкафа большое платье,
Снова и снова бережно гладит, после
В шкаф убирает и говорит, что рано
Мне надевать его: мол, как станешь взрослой.

Глухо за стенкой льётся вода из крана.
Дождь за окном стихает — почти не слышно.
Я в белом платье молча лежу в кровати.
В чистое небо солнце из мрака вышло —
Ему не хватило места в моей тетради.

Наверное, уже не стоит ждать:
Все сроки вышли, мутная вода —
В ней не видать ни дна, не отражения.

Набухли грозовые облака —
Вот-вот и лопнут громко. А пока
Меня тревожит только наваждение:

В дверном проёме чей-то силуэт,
И льётся сквозь него лимонный свет,
И мне тепло от этого свечения,

Но страшно, словно это не со мной.
Дождь за окном — безумный — льёт стеной.
И кажется, что нет теперь спасения.

Я к тебе вернусь. Обещаю. Ты только жди.
И когда твоё небо будет опять дождить,
И когда твоё солнце погаснет на дне реки,
Ты услышишь мои шаги.

Я пойду по храмам, буду искать слова,
От которых душно и кружится голова;
От которых голос будет дрожать слегка,
Как твоя река,

Небеса качая — спи, мой уставший бог,
Долго-долго будет гладить гранитный бок.
Серебром прольётся в воду фонарный свет,
Значит, смерти нет,

Значит, больше нет ни страха, ни темноты.
И пускай беда разводит свои мосты —
Оживает словом и прорастает в нас
Безъязыкий Спас.

Я всегда измеряю патриотизм на глаз,
Как ингредиенты для выпечки пирога:
Если написано «насыпьте двести грамм сахара»,
Я знаю, что хватит гранёного стакана.
Сколько пирогов было испорчено из-за него,
Сохранившего вкус этих двести граммов за каждого,
По ком звонил колокол
На сгоревшей в прошлом году церкви
По вине пьяного пономаря.

пойди туда и принеси нам то
чего никто не приносил вовеки
висит в прихожей старое пальто
храня в подкладке запах человека
тот человек совсем забыл о нём
и что ночами замерзают лужи
ушёл однажды стылым ноябрём
ни холод ни себя не обнаружив
иди теперь ищи его следы
как ветер в опустевшей подворотне
когда со смертью перейдёшь на ты
ей расскажи как мы живём сегодня
когда вокруг всё замерзает в лёд
и старое пальто без человека
висит в прихожей терпеливо ждёт
как мы чудес каких-то век за веком

Взгляни наверх: измученный Господь
На облаке лежит, как дед Арсений
В тот день, когда его бледнела плоть,
И замер календарь на воскресенье.
А бабка так наказывала нам:
Смотреть, но ни на шаг не приближаться.
Мы были восприимчивы к словам
И за спиною скрещивали пальцы.
Мы во дворе сгребали рыхлый снег
И строили всё выше — в небо — башню,
Чтоб нам, когда погаснет в окнах свет,
Одним остаться не было так страшно;
Чтоб посмотреть с обратной стороны
На белый свет и на изнанку снега —
Щербатую, как полукруг луны,
И чёрную, как отпечаток следа.

А под утро выпал снег. Город замело.
Бился птицей белый свет в чёрное стекло
И настойчиво просил в дом его впустить.
Глухо щёлкнули часы, встав на полпути.

В спальне с жёлтым потолком плакала Мария.
Пахли груди молоком, и звенело имя
Незнакомой тишиной. Никуда не деться —
Накрывали с головой мёртвого младенца.

Такое небо — хочется смотреть,
Здрав башку, стоять, не шевелиться.
Тускнеет раскрасневшаяся медь,
И медленно сползает за границу
Воздушный шар.
Ты помнишь, как его
Мы берегли от острого и злого?
А он дрожал, как лёгкий поплавок,
От ветра и дыхания.
Ни слова
Не говори теперь — смотри, смотри,
Какое небо: хочется молиться
И всё, что есть тревожного внутри,
Наружу выпустить, как из неволи птицу.
Не возвращаясь, пусть летит туда,
Где шар воздушный, облака из глины,
И синий свет сочится, как вода,
Которая всегда уходит мимо.

Засыпая, проваливаешься в невидимую дыру,
Не понимая, что всё это только снится,
Летишь сквозь темень и думаешь: «Я умру».
Перед глазами ярко мелькают лица
Всех, кого ты любишь/любила или наоборот,
С кем уже давно не списывалась в «Фейсбуке».
Чувствуешь, как темнота лезет настырно в рот,
Сочится сквозь онемевшие пальцы рук, и
Уцепиться не за что: вокруг пустота, хоть сгинь.
Ты летишь так долго, что уже наплевать на это.
Но внезапно тьма расходится, как на воде круги,
И ты видишь источник света.
И вот ты уже мотыльком летишь на свет
Лампы настольной к читающему человеку.
У него не видать лица, но в своей голове
Ты примеряешь лица — и то, и это.
Ни одно не подходит, но чувствуешь, что знаком,
Роешься в выцветшей памяти снова, снова,
Что-то находишь, но в горле солёный ком
Не позволяет выдавить из себя ни слова.
Человек убирает книгу, глядит на тебя в упор,
Словно запоминая. И вот когда ты
Просыпаешься — вспоминаешь последний ваш разговор,
И какая сегодня дата.

Всё хорошо, поверь мне, всё прошло,
Проехало, исчезло, растворилось,
Как соль в воде, как кислый порошок
От гриппа и простуды.
Сделай милость:
Молчи теперь, не заводи опять
Звонящий нудно в пять утра будильник.
Тебе вставать, но я хочу поспать.
Всё хорошо, я просто очень сильно
Устала, измоталась, извелась,
Растратилась на мелочи без сдачи.
Ещё зима — то мокрый снег и грязь,
То холод отвратительно собачий.
Но всё пройдёт. Случалось так не раз —
И проходило, проезжало мимо.
Не говори, не надо — мне сейчас
Молчание твоё необходимо.

Научи не бояться ничего, никого вокруг,
Полагая, что мир сеет одно добро.
Будто камень катаю слово «люблю» во рту,
А оно так горчит, что сводит моё нутро.
Говорят, это точка.
Но я бы сказала — знак,
Вопросительный больше. Значит, итога нет.
Не спеши ликовать, поднимая победный флаг, —
Без финала не может быть никаких побед.

Научи не молчать, не просить ничего взамен,
Даже если неслышно — не раскрывая рта,
Словно весь этот мир не знает границ и стен,
Потому что за ними — полная глухота.
Говорят, это всё. А дальше ни слов, ни чувств,
Ни вопросов, ни точек — пора подводить итог.

Научи это делать. Ты тоже до капли пуст,
Но умеешь прощать — значит, поверить смог.

Всё когда-то впервые случается и с тобой,
Даже то, что, казалось, бывает всегда с другими.
Стынут чай и постель. И всенощный собачий вой
Извещает о том, что скоро всё это сгинет
В непроглядную тьму — то, что грело тебя и жгло,
От чего просыпалась ночью и сквозь потёмки
Подходила к нему, целовала тихонько в лоб.

Обрывается там, где истёрлось и стало тонко.
И уже не связать — укорочена жизнь на миг,
Тщетно память скрепить пытаешься узелками
И не веришь. Да только внутри всё сильнее болит
Оттого, что уходят те, кто хотел быть с нами.

Мы выходим из материнских коконов
Нелюбимыми да одинокими,
Словно бабочки однодневные,
К солнцу тянемся и не ведаем,
Что летать высоко не можем мы.

Так рождаются безнадёжными —
С животами уже бездетными.
А когда за окном безветрие,
Пишут письма в пустоты ящичков.
Только нужного не обрящем мы:
Счастье наше — на подоконниках,
О котором не пишут в сонниках,
В гороскопах журналов глянцевого.

Эта жизнь — маета да странствие
От порога к порогу сбитому.
Тишина за дверьми закрытыми
Так звенит, что оглохнешь, ежели
Не отступишься.

Где же, где же вы,
Золотые да сердцу милые,
Кто над нашими над могилами
Ни о чём не захочет спрашивать?

Нам бы света, да будем скрашивать
Однотонные дни белёдые.
Нам бы веры. Да мы с вопросами.

Знаешь, ведь это страшно на самом деле —
Так, чтоб глаза в глаза.
И лежать в постели
Молча, не смея даже пошевелиться.
Это безумно страшно, когда он близко
И в унисон с тобою так тяжело дышит.

Смотришь на потолок — он всё ниже, ближе:
Над головой навис, как в апреле небо.

Знаешь, быть может, гиблое это дело —
Ждать от него то ли жалости, то ли выстрела.

Память моя слиняла, местами выцвела,
Словно платок, подаренный в детстве бабушкой:
Там, где цветы цвели, — то пятно, то пятнышко,
Не разглядеть ни красок, ни лиц, ни надписей.
Кто там кого любил — да какая разница?
Мне всё равно не вырваться: двери заперты.

Я застилаю стол белоснежной скатертью:
Будет у нас сегодня прощальный ужин.

В комнате стены становятся ўже, ўже,
Пара минут — и лопну, как шарик мыльный.

Знаешь, а я ведь так и не стала сильной:
Что-то всегда ломало. Теперь бы — кстати.
Только на всех у Бога чудес не хватит.

Во снах ко мне приходит странный страх,
Охватывает, сковывая, тело.
Пытаюсь хоть малейший сделать шаг —
И вот уже я птицей полетела
На дно реки и в сердцевину глыб
Из льда белёсого, как соль морская.
В реке — большие стаи красных рыб,
Они ко мне плывут и окружают
В такое плотное и скользкое кольцо,
Что не хватает лёгким кислорода.
Течение нас медленно несёт
Туда, где море сшито с небосводом.
Я чувствую, как чешуя растёт
Во мне, на мне, — и, превращаясь в рыбу,
Плыву с другими вместе на восток.
И больше нет ни страха, ни обиды.

Вопросов нет ни к Богу, ни к себе,
Ни к чёрному оконному проёму,
Что манит совершить побег,
Упасть в объятия вязкой вечной комы,
Увидеть снов невидимое дно,
Где в стаи собираются кошмары.
Их кормят светом, вознося огонь,
Большие птицы.

Очертанья рамы
Всё чётче прорисовывает мгла.
Внутри темно и холодно снаружи.
И птицы бьются в тонкий лёд стекла,
Ломая тишину, хрипят натужно.
Когда уйдём — они вернутся к нам
В глубоких снах, чтоб рассказать о чём-то
На языке неведомом, к словам
Цепляя запятые.

Время стёрто,
Как на бумаге карандашный след.
И всё забылось, что случалось ночью.
Вопросов нет ни к Богу, ни к себе,
Ни к чёрному на белом многоточию.

Расскажи мне о том, как пахнет в ночи слеза,
Как хрустит тишина под тяжестью этих стен.
Мы вчера ещё были за, и когда гроза
Затихала, то было видно, кто пепел-тлен,
Кто упал, догорел, превратился в сплошную пыль,
А кому проходить за двоих этот долгий путь.
Расскажи мне о том, как пахнет в ночи ковыль,
Как свежо и прохладно становится после бурь.
Я забыла о том, я не помню, не знаю, как
В этой мёртвой тиши слышать шаги и глас.
Он придёт и расскажет, что вся наша жизнь — пустяк,
Пожалев, приголубит таких беззащитных нас.

Оплетают слова, словно вьюн, язык,
Заглушая боль, приглушая крик.
Вырываю их, но они растут,
Прорастают вглубь, а во рту — цветут.

Стебли их упруги. Проходит дождь —
Колосятся густо, как в поле рожь.
Грудь моя — земля, а язык — трава.
И болит от этого голова.

Но пока цветут те слова во мне,
Их сорвать становится всё трудней.
Только страх за скорые холода:
Отцветут до срока, и вот тогда

Будет долго-долго болеть внутри.
Но сказать нельзя. Потому смотри,
Как сплетенье слов образует ряд,
Что цветёт, как дивный весенний сад.

Мне снятся метели и снег,
Белый, как саван,
В котором больной человек —
За небесами.
Он разжимает ладони —
И снег улетает.
Мне кажется, я его помню,
Я его знаю.
«Прошу, назови своё имя», —
Шепчу человеку.
Но слово его застынет,
Как стыннут реки,
Но слово его превратится
В снег, что не тает,
В тот снег, который мне снится, —
Светлая память.

Перемелется всё. Превратится в труху и муку,
Из которой на пресной воде я кулич испеку,

Накормлю голубей и нахальных ворон большеротых.
Пусть не знают они, что за нас умирает хоть кто-то

Каждый год или день, но не все возвращаются снова.
Что им, птицам, до нас, ни к чему никогда не готовым?

Даже к этой весне и крадущему время апрелю.
Неизвестность страшит. Но её в жерновах перемелют,

Превращая в муку́ или му́ку — что выпадет свыше,
Оставляя нам горечь и гнёзда пустые под крышей.

Мне подарили двадцать четвёртую букву.
Сказали: «Возьми и называй слова,
с которой они начинаются,
и говори их, пока не прогонишь душевную муку,
пока не почувствуешь,
как эта буква в тебе растворяется,
становится частью тебя, сливаясь в единое целое».

Двадцать четыре — число моего дня рождения.

Мне сказали: «Представь,
что букву тебе подарил сам Бог,
если бы мог.
И что бы ты в жизни ни делала,
в моменты падения,
когда тебе кажется, что всё вокруг разбивается,
ты вспомни о двадцать четвёртой букве внутри себя
и повторяй слова,
с которой они начинаются.
Целое.
Ценное.
Цель.
И так далее.
И думай, что эту букву тебе посвятили
Бог и я».

Невидимый кто-то мне посылает сны,
в которых я вижу маки.
Они красны,
как спелая кровь на бледных устах Христа.
И снится река — вода, как слеза, чиста.
Я маки срываю, плету из цветов венки,
а после бросаю в объятия той реки.
Меняет вода прозрачный на красный цвет.
И я просыпаюсь.
Невидимый кто-то мне
рисует картины на стенах из прошлых снов,
где лишь пустота, а люди не знают слов,
где первое слово сказанное — «свети»,
второе — «надейся», а после — «не упади».
Я вижу, как в небе ярко зажглась звезда,
и этот невидимый мне отвечает «да»
на постоянно мучающий вопрос.
И явь расплывается в радуге горьких слёз.

Вольному — воля, сильному — шаг вперёд
и журавля с синицей да крепко в руки.
Только где тонко — ломается хрупкий лёд,
нить обрывается и затихают звуки:
жизнь замирает, как сломанные часы.
Вольному — воля. Сильному — боль да слёзы.
Кажется, не о чем больше Его просить,
кажется, больше нет никаких вопросов.
Сильному — смелость да не сорваться вниз,
стоя у края пропасти в одиночку.
Вольному — воля. Сильному — белый лист:
выписать слабость, после — поставить точку.

Ничего не просить, не требовать и не ждать —
Нам никто не поможет, никто не придёт спасать.
Научись не дышать едкой гарью — горят мосты.
По периметру в городе выставили посты —
Не пройти незамеченным мимо, не улизнуть.
Нас оставили здесь, чтобы мы отыскивали суть —
Почему за бедой приходит всегда беда,
И узнали, какая на вкус эта боль-вода,
Что сквозь тонкие пальцы капает в пепел-снег,
И кому человек — пустота, кому — человек.

1.
У белой воды — следы.
Здесь недавно прошёл Элах.
Глаза — из чистой слюды,
Молчание на губах.
В левой его руке
Жизнь, а в правой — смерть.
Плещется свет в реке,
Но нельзя на него смотреть.

2.
Горе волнуется раз.
Внутренний свет погас.
Горе волнуется два.
Может, ещё жива?
Горе волнуется три.
Вместе со мной смотри.

3.
Я прокричу Элаху:
«Лама савахфани!»
Это сильнее страха,
Выгаци, сохрани,
Как артефакт, ракушку
С речью твоей внутри, —
Стану тебе послушной.

4.
Горе моё — замри.

Посмотри на оранжевый шар апельсина:
Как красив он.
И как эта скатерть красива,
По которой скользит, движимый некой силой,
И падает он за край.

Но падение беззвучно.
И даже почти трагично:
Там, внизу, его поджигает спичкой
Тот, кто ловит в ладони
И говорит привычно:
«Гори, да не умирай».

И горит апельсин пламенем апельсинным,
Отражаясь в зрачках, как в море бездонном синем.
А ты смотришь в глаза и думаешь:
«Как красиво.
Только не закрывай».

Ничего не обещая, просто будь.
Будь моей и радостью, и болью.
Голову склоню тебе на грудь —
и отступит тошнота агоний,
станет тихо, словно мир оглох,
онемел иль только что родился,
и его в ладонях держит Бог,
как неоперившуюся птицу.
Разопьём мускатное вино
прямо из горла большой бутылки.
Льётся дождь за матовым окном,
как мелодия Бетховена с пластинки.
Слушая его, ты станешь пьян,
опьянишь меня, чтоб было честно.
Покачнётся старенький диван —
мы летим в невидимую бездну.

идёт человек качается
и воздух хватает ртом
а люди считают пьяницей
и говорят о том
что это пятно на общество
значительное пятно
смотрят брезгливо морщатся
по сути им всё равно
что с человеком станется
пусть хоть подохнет тут
люди не верят пьяницам
такие обычно врут
и в этом примерном обществе
никто не заметил как
был человек и кончился
радугой в облаках

Потеряла кольцо.
То единственное, что было,
Чтобы я о тебе не забыла, не разлюбила,
Чтобы помнила, как писала мне раз в неделю
Откровенные письма.
Помнится, мы хотели,
А верней, обещали не терять никогда друг друга,
Даже если дожди, даже если случится вьюга,
Заметёт все дороги — обещали идти на ощупь,
Не порвать эту нить, связавшую нас так прочно,
Что врежется в память, след оставляя красный.

Говорила мне мама:
Обещания — вещь напрасная:
Раскидает по разные стороны горизонта,
Даже прочная нить сотрётся и станет тонкой,
Оборвётся внезапно там, где узлы вязали.

Почему вы, родители, раньше мне не сказали,
Как бывает от горечи тошно невыносимо,
Если сёстры не пишут письма, и в небо синее
Не летят ни шары, ни воздушные змеи яркие?

Дорогая Верó, я к тебе прихожу с подарками:
Белых лилий четыре веточки и конверты,
В них — слова о любви и жизни да после смерти,
Но не с той стороны, а с этой, где всё иначе,
Где тебя не забыл твой единственно верный мальчик

И не может простить, как в той песне у «Наутилус»,
Этим лицам — белёсым пятнам, — что ты им снилась,
Где он так же, как я, одиннадцатое лето
Пишет письма тебе и не ждёт никогда ответа.

Я, говорит, ухожу, ну а ты сиди
У окна и смотри на дорогу — на дождь, на снег.
Вот мы были с тобой живые — и вот нас нет.
Только память плетётся сзади, а впереди
Пустота — ни души.
И стелется по земле,
Поглощая шаги, зловещий густой туман.
И едва различимо, кто там, кого и где
То ли выпустил из, то ли поймал в капкан.

Я, говорит, не вернусь, ты меня не жди,
Гороскопам не верь и не читай газет:
Где мы были с тобой живые — там больше нет.
И не вырвать теперь боль из твоей груди —
Проросла из зерна промёрзшей насквозь тоски,
Пробиваясь сквозь толщу жгущего душу льда.

Я, говорит, устал — ухожу, прости.
Я отвечаю «нет» — а шумит вода.

У безымянной речки растёт трава.
Она зеленеет, когда говорят слова,
Такие, которые греют, как солнца свет.
Желтеет трава, когда произносят «нет»,
Когда говорят «уходи» и когда молчат,
Когда не хватает влаги в простых речах.
Трава засыхает, если не видит дождь
И если её не гладишь рукой, не мнёшь.
Трава погибает, если не слышит слов,
А речка выходит болью из берегов...

Пришёл и душу наизнанку вывернул.
Наружу всё — и боль, и страх, и свет,
и тлен любви, горевшей раньше пламенем.
Как на ладони вся, смотри — обнажена.
И как натурщица в камере у художника,
стесняясь откровенной наготы,
я отдаю себя твоим холстам бумажным:
пиши с меня очередной этюд.

Лето уже не то, дорогой мой father,
Всё обесценилось, даже слова и фразы:
Те, что ценились раньше, — уже не в счёт.
Что же нас ждёт ещё?

Нас не спасают больше другие люди,
Мы не умеем сами — и как мы будем?
В маленьких клетках диким сидим зверём.
Выживем, не умрём?

Так постепенно тихо теряем разум.
Время уже не то, дорогой мой father:
Некому больше верить — спасайся сам.
Чистые небеса

После дождя — единственная отрада.
Что там сейчас цветёт за твоей оградой?
Помню лишь только рыхлый от солнца снег.
Это теперь — во мне.

Умереть, не встать, не сказать тебе,
Как боюсь ходить по большой воде,
Как холодный страх больно бьёт волной.
Ни подругой верной и ни женой
Мне не быть тебе — никому не быть,
Мне теперь одной по течению плыть.
Пусть несёт куда-нибудь в никуда,
Где у рек — солёные берега,
Где над небом — небо, над ним — ещё,
А с него другая вода течёт:
Там не страшно плавать совсем, и в ней
Нет меня любимей и нет нужней.

Выбрали имя для дочери, что никогда не родится;
Купили кроватку в дом, который никто не построит.
В небе пустом — журавли, в тонких руках — синица
Смотрит испуганным взглядом. Осы кружатся роем

Над недозревшим яблоком с грубо надкусанным боком,
Грушовка ли это, кандиль — пойдя теперь разбери.
Закрутим в банки молчание, чтобы стояло без срока,
И сменим замок в двери, запертой изнутри.

*«И вдруг я поняла, что не нужна»
Евгения Джен Баранова*

Понять внезапно свою ненужность
Тебе, и миру, и этим стенам.
Из клетки выпорхнуть вдруг наружу
И обнаружить, что перемены —
Как воздух чистый после болезни,
Но сил вдохнуть его не осталось.

Понять внезапно, что мы не вместе —
Есть только окна во двор и жалость
К себе и миру, к обоям серым,
К увядшей маленькой орхидее.
И отражению лгать, что вера
Жива, но, впрочем, ему виднее.

Спокойной ночи, милый и родной,
Смотри в проём окна и думай, как мы
Теперь живём за каменной стеной,
Разбрасывая сами эти камни.

Споткнулись раз, споткнулись два и три,
И ничему нас жизнь не научила.
Спокойно спи, мой милый, до зари,
И пусть приснится то, что с нами было:

Морской прибой, песок и мы вдвоём —
Не слышим криков чаек, и скучаем,
И думаем всё время об одном:
Пусть вечер будет тих и нескончаем,

Чтоб мы могли про всё договорить,
Сказать спасибо небу и проститься.
Глаза закрою — и саднит внутри,
Умолкла в клетке заводная птица.

Держаться за память. А что остаётся, если
Кто раньше спасал — сгнули, не воскресли,

Просто ушли, оставив пальто в прихожей?
За окнами — снег и холод собачий. Что же

Они не надели, наделали, где их носит,
Пока проживаю впервые другую осень:

Без ожиданий, оправданных ли — неважно,
И с чувством свободы в клетке пятиэтажной;

Я прячу от взглядов гербарий из эустомы
Между страниц. А что остаётся, кроме.

А сколько ждать — не скажет нам никто.
И можно долго воду решетом
Носить и наполнять себя до края

Тревогами, надеждами, тоской,
Стирая пот с больных висков рукой,
Пока не ощутишь совсем — живая.

Боли теперь и думай: как же так —
Ведь всё пустяк, любовь твоя пустяк,
И без неё прожить намного лучше;

Вставать с утра и пить горячий чай,
Не обжигая небо, не скучать
По тем, кто западает прочно в душу.

И ждать, и ждать, когда они придут,
Бояться потому менять маршрут
И выйти в неизведанные дали.

Но сколько нужно времени, скажи,
Тому, кто обозначил рубежи,
Чтобы о нём, прощая, забывали.

Мы существуем.
В памяти других,
В объятиях дождя, в молчании ночи;
Мы — капля на стекле, короткий штрих
На белом полотне и многоточие
В конце строки.

Когда перегорят
Все лампочки на кухне и в прихожей,
И снег в последних числах февраля
Сойдёт на нет, то не увидать больше
Следов, ведущих в одичалый сад
Тропинкой тонкой к ветхому забору,
Где яблони поникшие стоят —
Их вырубят под корень очень скоро.
И будет эхо множить этот звук,
Пока он в вышине не оборвётся.

Мы — яблоки, упавшие в траву,
Так рано постаревшую от солнца.

Молчи же, глупый человек,
Здесь не нужны слова.
Когда в желтеющей листве,
Заметные едва,
Узоры паутин дрожат —
Качается паук.

Сутул, печален и зажат,
Ты слушаешь, как звук
Молчания проходит сквозь
И задевает то,
Что не зажило, не срослось,
Осталось на потом.

Отцу

Чему ты меня учил, сгодилось теперь вдвойне,
Когда разрастаются пятна белые на луне.
Когда облетают листья — больно ль карагачу?
Вот всё, что теперь осталось. А большего — не хочу.
И большее не поместишь в старый скрипучий шкаф,
И большего не получишь, меньшего не отдав
Другим, разделив на части — поровну, без обид.

Когда из десятков окон последнее догорит
В кирпичной пятиэтажке — то будет моё окно.
Чему ты меня учил, сгодилось, но всё одно:
Когда облетают листья — хочется забывать.
Вот всё, что теперь осталось, — несказанные слова
Да голых деревьев ветки за вакуумом стекла.
А то, что казалось нужным, — на деле обычный хлам.

Содержание

- 5Пока мы здесь высчитываем дни
6Долго едем в переполненном автобусе
7Учи всех нас другому языку
8Я тебя отпускаю — лети же, лети наверх
9Скажи мне, чей гитарный рифф
10на часах с надписью «русская мандала»
11когда меня не станет
12Когда зима пойдёт на новый круг
13Говоря, говорите со мной, пожалуйста
14И страшно так, Господи, страшно
15Этот город увековечен
16По краешку, по досточке
17Кому нужна я, тонкий стебелёчек
18Горит букет бессмертных хризантем
19Оставив тёплую конуру
20Лети, лети, мой мотылёк
21Всё изменится в лучшую сторону
22Если это не смерть, то откуда тоска
23Переживём. Впервые нам, что ли, это
24В том саду, где лебеда и марь
25В комнате с белёным потолком
26Мы вырастаем из детства чёрными истуканами
27зимой ждать лета
28Выбирала на рынке мясо
29я больше не слышу музыку
30Подборка летних направлений, успеи слетать...
31Где мы теперь болим, просим, не говорим
32Расти, мой бог, зародыш, эмбрион
33Всё остаётся в прошлом — и мы живём

- 34слава богу ты жива говорит мне бабушка
35Перестала верить в людей
36Бросай слова на ветер
37Пустое место свято не бывает
38Вымыть посуду, вытереть пыль с книжных полок
39Гори, гори, вечерний небосвод
40Трудно дышать этим отравленным воздухом
41Пить чай, перечитывая Марину Цветаеву
42Над застывшим озером лебедь белый
44Снова тебе пишу, дорогая Ника
45Зимняя радуга — редкое из чудес
46Дорогое моё одиночество, поскорей
47В Софийском соборе
48Вокзал. Перрон. И люди, стоя в ряд
50На чёрно-белой фотографии
51Мы говорили, иногда молчали
52Сегодня снег белей и молчаливей
53Привыкли совсем не знать о таких вещах
54Напиши письмо и брось его в долгий ящик
55Времена
57Дождь то стихает, то снова стеною льётся
58Наверное, уже не стоит ждать
59Я к тебе вернусь. Обещаю. Ты только жди
60Я всегда измеряю патриотизм на глаз
61пойди туда и принеси нам то
62Взгляни вверх: измученный Господь
63А под утро выпал снег. Город замело
64Такое небо — хочется смотреть
65Засыпая, проваливаешься в невидимую дыру
66Всё хорошо, поверь мне, всё прошло
67Научи не бояться ничего, никого вокруг
68Всё когда-то впервые случается и с тобой

- 69Мы выходим из материнских коконов
70Знаешь, ведь это страшно на самом деле
71Во снах ко мне приходит странный страх
72Вопросов нет ни к Богу, ни к себе
73Расскажи мне о том, как пахнет в ночи слеза
74Оплетают слова, словно вьюн, язык
75Мне снятся метели и снег
76Перемелется всё. Превратится в труху и муку
77Мне подарили двадцать четвёртую букву
78Невидимый кто-то мне посылает сны
79Вольному — воля, сильному — шаг вперёд
80Ничего не просить, не требовать и не ждать
81У белой воды — следы
82Посмотри на оранжевый шар апельсина
83Ничего не обещая, просто будь
84идёт человек качается
85Потеряла кольцо
87Я, говорит, ухожу, ну а ты сиди
88У безымянной речки растёт трава
89Пришёл и душу наизнанку вывернул
90Лето уже не то, дорогой мой father
91Умереть, не встать, не сказать тебе
92Выбрали имя для дочери, что никогда не родится
93Понять внезапно свою ненужность
94Спокойной ночи, милый и родной
95Держаться за память. А что остаётся, если
96А сколько ждать — не скажет нам никто
97Мы существуем
98Молчи же, глупый человек
99Чему ты меня учил, сгодились теперь вдвойне

Ирина Гумыркина

Изнанка снега

16+

Руководители проекта *Анна Маркина, Евгения Баранова*
Редактор *Евгения Баранова*
Вёрстка *Анна Маркина*

Подписано в печать 17.10.2022

Формат 84x108/32

Усл. печ. л. 5.51

Тираж 200 экз.

Издательство «Формаслов»

www.formasloff.ru

redaction@formasloff.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, кор. 5.
Тел.: 8 (499) 322-38-30